

Поступила в редколлегию 01.10.84.

О. В. СИДОРОВ

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
ГДР И ФРГ**

Аксиологический статус общественно-политических терминов (ОПТ), функционирующих в идеологическом узусе современного немецкого языка в ГДР и ФРГ, практически специально никем не исследовался за исключением Л. Д. Юдиной [5], которая предприняла попытку предварительного подхода к намеченной проблематике. Однако изучение языковых средств выражения классовых идей, норм, оценок приобретает все большую лингвистическую и социальную актуальность. Среди таких средств важное место занимают ОПТ в силу их способности выражать идеологическую оценку (ИО).

Рассмотрим ИО как видовое понятие по отношению к родовому, т. е. оценке вообще, умственному акту, выражающему ценностное отношение субъекта к объекту познания. ИО представляет собой любое высказывание (слово, предложение, текст) об идеологической ценности объекта, имеет свойственную ей структуру, элементам которой присущи признаки, обусловленные функциональными особенностями идеологии. Для субъекта аксиологического акта, например, таковым является его классовая принадлежность, а для объекта — способность удовлетворять (не удовлетворять) классовые потребности, т. е. его идеологическая ценность раскрывающая характер отношений с субъектом. При этом объекты квалифицируются как положительные, отрицательные или нулевые ценности с идеологических позиций. В роли объекта может выступать любой социальный феномен, который идеологически актуален. Поскольку актуальность одних и тех же объектов для антагонистических идеологий различна, возможны расхождения в корпусе оценочных ОПТ для идеологических узусов ГДР и ФРГ. Так, кроме ОПТ с противоположной оценочностью, существует большая группа ОПТ, выражающая идентичную идеологическую оценку (положительную или отрицательную). Семантика актуально оценочных ОПТ в системе антагонистических идеологий характеризуется широким спектром аксиологической вариативности. Так, в ходе сопоставительного анализа было выделено восемь типов идеологической оценочности ОПТ, одновременно используемых в ГДР и ФРГ.

1. ОПТ в идеологическом узусе ФРГ выражает положительную оценку, а в ГДР — нулевую (Währungspolitik):

ФРГ — Politik zur Festigung einer Währung [WW];

ГДР — politisches Verhalten, Vorgehen in Angelegenheiten der Währung [WdG].

Положительная оценочность ОПТ_{ФРГ} обусловлена содержащимися в понятии признаком «укрепление», т. е. то, что укрепляет валюту и таким образом стабилизирует экономическое положение, одобряется. Характерно, что ОПТ_{ГДР}, обладая нулевой оценочностью на понятийном уровне, может в определенном контексте приобретать оценочную коннотацию, например, положительную: die aktive Währungspolitik sozialistischer Staaten.

2. ОПТ в идеологическом узусе ФРГ выражает нулевую оценку, а в ГДР — положительную (Sicherheitsrat):

ФРГ — Behörde der Vereinten Nationen, die bei Aggression angerufen werden kann [WW];

ГДР — Organ der Organisation der Vereinten Nationen, das sich mit Fragen der Aufrechterhaltung des Weltfriedens befaßt [WdG].

Положительная оценочность ОПТ_{ГДР} обусловлена признаком «сохранение мира», поскольку мир является одним из основных принципов социалистической идеологии, обеспечивающий закономерное развитие человеческого общества к социализму и коммунизму. Этот принцип является определяющим в международных отношениях между народами и государствами. Признак, содержащийся в понятии ОПТ_{ФРГ} — «можно обратиться в случае агрессии», — не квалифицирует сущность и функции Совета Безопасности ООН. Кроме того, он имплицитно нейтрализует деятельность важнейшего органа ООН, ответственного за поддержание международного мира и безопасности.

3. ОПТ в идеологическом узусе ФРГ выражает отрицательную оценку, в ГДР — нулевую (Agitation):

ФРГ — aggressive politische Werbung, politische Propaganda [WW];

ГДР — politische Werbearbeit, Aufklärungstätigkeit [WdG].

Отрицательная оценочность ОПТ_{ФРГ} обусловлена признаком «агрессивная политическая пропаганда», а употребление термина зафиксировано для характеристики деятельности общественных организаций, как правило, коммунистической партии, ибо эта деятельность связана с распространением прогрессивных идей, формированием классового самосознания пролетариата. В идеологическом же узусе социализма данное явление воспринимается как неотъемлемая часть социальной жизни трудящихся, связанная с их политическим воспитанием, мобилизацией на решение революционных задач, чем и объясняется нейтральность ОПТ_{ФРГ}.

4. ОПТ в идеологическом узусе ФРГ выражает нулевую оценку, в ГДР — отрицательную (Remitalisierung):

ФРГ — das Heerwesen eines Landes wiederherstellen [WW];
ГДР — Wiederherstellung des Militarismus und der militärischen Gesinnung [WdG].

Понятие «ремитализация» является в идеологическом узусе ФРГ нейтральным, ибо носит завуалированный характер с целью скрыть истинную сущность процесса, эксплицируемого как безобидное «восстановление вооруженности страны». В ГДР данное понятие четко определяет отношение носителей социалистической идеологии к возрождению милитаризма и милитаристских настроений как к явлению отрицательному, хотя эксплицитно это в понятии и не выражено.

5. ОПТ имеют положительную оценочность как в идеологическом узусе ГДР, так и ФРГ, но состав выделяемых в понятии признаков, их онтологическая и функциональная ориентация характеризуются дивергентными свойствами (Wettbewerb):

ФРГ — Kampf um die beste Arbeit, um die beste Leistung [WW];
ГДР — dem Sozialismus eigene Methode zur Entwicklung der Masseninitiative, bei der die Werktätigen in Kameradschaftlichen Zusammenarbeit um die beste Arbeitsleistungen zur Steigerung der Arbeitsproduktivität wetteifern [WdG].

Понятие ОПТ_{ФРГ} применительно к капиталистической действительности приобретает положительную оценочность за счет экспликации таких признаков, как «борьба за лучший труд», «лучшие результаты труда», обеспечивающая предпринимателям оптимальные доходы. Поэтому этот термин используется в идеологическом узусе ФРГ для обозначения конкурентной борьбы, борьбы за рынки сбыта и прибыли. Положительная оценочность ОПТ_{ГДР} манифестируется в таких признаках, как «социалистический метод развития массовой инициативы трудящихся», «товарищеское сотрудничество», «максимальные трудовые успехи», «повышение производительности труда». Специфика данной подгруппы актуально оценочных ОПТ состоит в том, что выражая в обоих случаях положительную оценку, они обозначают онтологически разные объекты социальной действительности.

6. ОПТ имеют в идеологических узусах ГДР и ФРГ отрицательную оценочность (Terrorismus):

ФРГ — Ausübung von Terror (gewalttätiges, rücksichtsloses Vorgehen, das die Betroffenen in Angst und Schrecken versetzen soll); System der Gewaltherrschaft [WW];
ГДР — Einstellung und Verhaltensweise, die die Ausübung von Terror zum Prinzip hat. Terror — gegen den gesellschaftlichen Fortschritt gerichtete systematische Verbreitung von Furcht und Schrecken, bes. durch Gewaltakte, Morde, mit dem Ziel die Machtansprüche einer reaktionären Klasse durchzusetzen [WdG].

Для данной подгруппы характерна дивергентность признаков, мотивирующих отрицательную оценочность. В ОПТ_{ФРГ, ГДР} она может иметь различное основание или не совпадать по количеству при-

знаков, необходимых и достаточных для идентификации соответствующего понятия. Так, в приводимом ОПТ_{ФРГ} отрицательная оценочность актуализируется с помощью признака «система насильственной власти», что с точки зрения носителей социалистической идеологии является не совсем верным. Поэтому ОПТ_{ГДР} определяется как «действия, направленные против общественного прогресса, с целью захвата власти реакционным классом». Однако отдельные признаки в понятиях ОПТ_{ГДР, ФРГ} могут и совпадать, подвергаясь идентичной квалификации. Например, «распространение страха, ужаса», но целенаправленность их различна (в ГДР — захват власти, в ФРГ, если руководствоваться эксплицированным понятием, это — самоцель).

ОПТ с одинаковой отрицательной оценочностью часто используются для обозначения действия своего идейного противника. На основе аксиологического сходства в активе номинации происходит подмена обозначаемых объектов, по отношению к которым актуализируются понятия, выработанные на основе других объектов. Данное лингвистическое явление с некоторой степенью условности можно определить как аксиологическую метонимию, обусловленную негативно-ценностным отношением субъектов идеологического познания.

7. ОПТ в идеологическом узусе ФРГ имеют отрицательную оценочность, а в ГДР — положительную (Volksdemokratie):

ФРГ — sozialistische Staatsform mit Resten von Privateigentum an Produktionsmitteln und Diktatur des Proletariats [WW];

ГДР — unter den besonderen historischen Bedingungen nach dem 2. Weltkrieg entstandener sozialistischer Staat, im dem die Herausbildung der Diktatur des Proletariats meist durch die Errichtung einer antifaschistisch-antiimperialistischen Volksmacht eingeleitet wurde [WdG].

В основе аксиологической дивергенции данной подгруппы актуальных оценочных ОПТ лежит различная квалификация объектов социальной действительности, вовлеченных в идеологическую сферу человеческой деятельности, или являющихся ее продуктом. Как правило, к ним относятся элементы социалистической действительности, подвергающиеся буржуазной идеологией негативно-ценностной трактовке, причем для того, чтобы ОПТ_{ФРГ} приобрел отрицательную оценочность, достаточно одного указания на принадлежность объекта номинации к идеологической системе социализма. Признак sozialistisch, содержащийся в понятии ОПТ_{ФРГ}, имплицитно несет негативное отношение в идеологическом узусе ФРГ к «социалистической форме государственного правления» априори. Отрицательная оценочность усиливается также экспликацией признака «диктатура пролетариата», который, в свою очередь, несет сильный аксиологический заряд. Иная картина складывается при анализе понятия ОПТ_{ГДР}, ассоциирующегося с народной властью и мотивированного прогрессивными преобразованиями в социальной жизни трудящихся.

8. ОПТ в идеологическом узусе ФРГ имеют положительную оценочность, а в ГДР — отрицательную (Volksaktie):

ФРГ — eine der Aktien (meist eines reprivatisierten Unternehmens), die nur in kleinen Mengen an möglichst viele Aktionäre abgegeben werden [WW];
ГДР — Aktie mit niedrigem Nennwert, die von einem kapitalistischen Unternehmen an Werktätige verkauft wird, um bei ihnen die Illusion vom Miteigentum am Kapital zu wecken [WDG].

Отрицательную оценочность имеют, как правило, ОПТ_{ГДР}, выражающие понятия, связанные с квалификацией социальных, политических и экономических реалий образа жизни в ФРГ. ИО эксплицируется путем раскрытия с позиций социалистической идеологии их функционально-онтологических особенностей, направленных на затушевывание эксплуататорской сущности капиталистического строя, на нейтрализацию классовых антагонизмов в буржуазном обществе. Так, в понятии ОПТ_{ГДР} дезавуируется идеологическая сущность экономического явления Volksaktie, стремящегося создать иллюзию причастности трудящихся к капиталу, владея которым они якобы перестают быть эксплуатируемым классом и получают равные возможности с капиталистами.

Таким образом, аксиологический статус ОПТ детерминирован их возможностью выражать ИО на понятийном и коннотативном уровне плана содержания. В соответствии с этим различаются актуально и потенциально оценочные ОПТ, эксплицирующие нейтральное, позитивное и негативное отношение идеологического субъекта к социально значимым феноменам. ОПТ современного немецкого языка с одинаковым планом выражения характеризуются в условиях функционирования антагонистических идеологий противоположной оценочной ориентацией и аксиологической вариативностью выражаемых понятий.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Василенко В. А. Ценность и оценка. — Автореф. дис. ... канд. филос. наук. К., 1964. 3. Зубов А. В. О языковых средствах выражения категории оценки в современном английском языке (на материале англо-американской прессы). — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 4. Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970. 5. Юдина Л. Д. К вопросу идеологической обусловленности общественно-политических терминов. — В кн.: Сочетаемость языковых единиц и преподавание языка. М., 1981, с. 154—164.

Поступила в редколлегию 20.12.84.

Е. В. ТАРАСОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И КОНТРАСТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прогресс любой научной дисциплины стимулируется такой особенностью человеческого познания, как стремление к повышению объяснительной силы общей теории и исследовательских процедур.

Это достигается двумя способами: интенсификацией или экстенсификацией научной эпистемики, причем в разные периоды развития науки тот или иной способ играет относительно более важную роль. Именно так обстоит дело и с контрастивной лингвистикой, когда на определенном этапе ее развития возникает необходимость в экстенсификации, сущность которой выражается в том, что «границы между науками превращаются в центры науки. И это касается как границ между онтологически разными науками, так и границ между отдельными дисциплинами одной науки» [4, с. 264]. Экстенсификация предполагает расширение теоретико-методологического комплекса данного направления, учитывая концепции и методы, характерные для других научных дисциплин. Подобное эпистемологическое сотрудничество позволяет выработать единые интегрированные методы исследования. В языкознании именно так обстоит дело с соотношением между контрастивной лингвистикой и типологией.

Двойственность природы языка как генетически неизменной, но структурно изменчивой сущности объясняет естественность и внутреннюю необходимость экстенсификации контрастивной лингвистики, когда она составляет в принципе единую дисциплину с типологией и лингвистикой универсалий. Контрастивная лингвистика является в этом смысле гибридной дисциплиной, ибо поиски в области универсалий и сравнительно-типологические исследования выступают как различные грани одного и того же исследовательского направления. Их объединяет также и то обстоятельство, что они связаны, как правило, с синхронным описанием языков. Специфика контрастивной лингвистики заключается в том, что она не нуждается в ключевом для типологии понятии языкового типа.

Укреплением связей с типологией и универсалиями контрастивная лингвистика во многом обязана достижениям Пражской школы, представители которой (Р. Ружичка, Б. Палек, Ф. Данеш и др.) впервые осуществили переход к описанию универсалий и форм их реализаций путем сопоставления различных языков с широким включением эмпирического, тщательно обработанного материала. Н. Хомский в связи с данным вопросом высказывал мысль, что, «устанавливая универсалии, лингвист фактически занимается контрастивным анализом» [8, с. 24].

Когда исследователь переходит от вопроса, является ли данная категория универсальной, к рассмотрению того, как данная категория реализуется в различных языках, то данный переход уже означает включение типологических параметров в изучение универсалий. «Переход к типологии,— подчеркивает Н. Хомский,— обусловлен переключением от рассмотрения, какие признаки являются универсальными, к анализу того, как реализуются те элементы и свойства, которым приписывается статус универсальных... Именно в этом случае универсалия выступает как некий обобщенный инвариант, модификации которого могут оказаться типологическими признаками языков» [8, с. 31].

Разработкой теории универсалий в типологическом плане занимались трансформативисты (В. Бах, А. Кейпл, Х. Бирнбаум, Дж. Гринберг, В. Комри), связывая их с понятием «глубинной структуры» Хомского, причем все эти исследования ориентировались исключительно на синтаксис.

Способы сопоставительного описания языков на основе универсалий являются еще недостаточно изученной областью языкознания. Однако можно предположить, что этот способ имеет определенные преимущества, прежде всего в отношении лингвистической стройности и широкого диапазона приложимости к языкам мира. В теоретическом же плане попытка описания языков по универсалиям оправдывается тем, что она основывается на принципе абсолютно соответствующем природе самого языка. С понятием универсалий все более прочно связывается в мировой лингвистике и такое актуальное исследовательское направление, как контенсивная типология. Об этом свидетельствует резкое возрастание объема содержательно ориентированных типологических штудий отражающих возрастающий интерес языковедов к семантической стороне языка. Термин «контенсивная типология» обозначает «отрасль лингвистической типологии, которая довольно непосредственным образом увязывает форму и содержание языка» [3, с. 206].

Еще Э. Сепир подчеркивал, что формально-типологическая схематика в чистом виде является поверхностной, поскольку она подводит под единую рубрику языки, резко различающиеся по своему духу, на основании только некоторого формального сходства. Однако Э. Сепир не мог предложить альтернативы. Поэтому не случайно, что в мировой лингвистике пользуется большим авторитетом неформальная типологическая схематика, основы которой были заложены советскими языковедами еще в 30—40-е годы. Отсюда закономерен и интерес к комплексу проблем, связанных с типологией универсалий, ориентированных на семантическую сторону языка.

В отечественном языкознании впервые проблемы контенсивной типологии рассматривали С. Д. Кацнельсон и Г. А. Климов [2, 3]. Позже этой проблематикой в диахроническом плане занималась М. М. Гухман [1].

Так, С. Д. Кацнельсон, понимая типологию как учение о единообразии и многообразии языковых структур, различает в содержании каждого языка два компонента: универсальный (общий для всех языков) и идиоэтнический (характеризующий язык в его индивидуальном своеобразии). Ядро универсального компонента образуют логико-грамматические и речемыслительные категории. Реконструкция этого компонента является актуальной задачей современной теории языка. Концепция С. Д. Кацнельсона представляет собой чисто синхронную концепцию. Г. А. Климов, развивая идеи академика И. И. Мещанинова о разных типах реализации субъектно-объектных и субъектно-предикативных связей в языках мира, считает субъектно-объектные отношения одной из самых

универсальных категорий языка, поскольку они связаны с выражением в языке универсальнейших категорий человеческой мысли. Его синтаксическая типология находится в тесной связи с теорией понятийных категорий. М. М. Гухман в плане исторической типологии анализирует процессы, связанные с развитием таких содержательных категорий, как предикативность, атрибутивность, количество, качество, посессивность [1].

К началу 70-х годов ученые США пришли к мысли о том, что исследования, направленные на изучение только плана выражения языка, в том числе и генеративная лингвистика, не дают позитивных результатов. Тем более представителям этих направлений привлекательными показались универсалии, которые, включая систему признаков-координат, могли успешно совмещать характеристику обоих аспектов языка — его формальную и смысловую структуры. У трансформативистов данные вопросы приобрели особую остроту в связи с разработкой теории глубинных и поверхностных структур, которая осложнила анализ содержательных категорий языка.

Наиболее важным дискуссионным моментом является решение вопроса об отборе содержательных категорий, которые обладают статусом универсальности. За последние десять лет учеными было предложено немало контрастивно-типологических схем, построенных на универсалиях, однако лишь некоторые из них могут претендовать на существенный вклад в науку.

Примером контрастивно-типологической модели может служить «типология понятийной доминации», выдвинутая А. Кейплом [7]. Автор выделяет два типа языков: *object-dominated languages* (с преобладанием именной морфологии); *event-dominated languages* (с преобладанием глагольной морфологии). Это различие обусловлено несхожестью в «концептуализации мира» их носителями. Кроме указанных полярных разновидностей, А. Кейпл говорит о возможности промежуточных стадий в некоторых языках (например, в английском), которые он характеризует как *dominationally neutral* [7, p. 40—41].

Другой распространенной версией контенсивной схемы в типологии, затрагивающей явления глубинного синтаксиса, считается «Грамматика падежа», разработанная Дж. Филмором и Г. Бирнбаумом в 70-е годы. В ней семантический компонент предложения анализируется в терминах трансформационно-генеративной грамматики с использованием понятия «глубинной структуры» Хомского. Однако Г. Бирнбаум рассматривает данное понятие как многослойную систему, состоящую из уровней различной семантической глубины. По степени абстракции слои глубинной структуры разделяются на наиболее «поверхностные» инфраструктуры (*infrastructures*), «типологические глубинные структуры» (*typological deep structures*), составляющие промежуточный уровень, и уровень максимальной глубины и абстракции (*profound deep structures*), являющиеся по сути универсальными [6]. Г. Бирнбаум пытается

доказать, что в основе пространственных падежных функций лежат общие семантические понятия. При этом он старается универсализировать данные функции, с чем трудно согласиться, если учесть разный уровень абстракции падежных отношений даже в одном языке и возможные отличия в различных языках (наличие или отсутствие отдельных падежей и т. д.). Сколько падежей следует выделить? Как их определить? Как объяснить существующие различия в выражении падежных отношений в различных языках? Ответов на эти вопросы теория Бирнбаума и Филмора не даст.

На семантических универсалиях (semantic roles) основана также «вертикальная контрастивно-генеративная грамматика Т. Кржежовского [9]. В ней предпринимается попытка развить семантический компонент трансформационных построений. Автор именует традиционный контрастивный анализ «контрастивным анализом по горизонтали», в то время как теоретическое изучение, базирующееся на универсалиях и исследовании их передачи в различных языках, называет «вертикально организованной грамматикой» [9, с. 45]. Эта теория, на наш взгляд, уязвима, так как описанные факты и явления, трансформации универсальных семантических inputs в языковые поверхностные реализации surface structure outputs не получают никакого толкования.

В отечественном языкознании поиски метаязыка сравнения, объективных критериев контрастивно-типологического описания разноструктурных языков и новых более совершенных дескриптивных схем также являются актуальными. Решение данных проблем, вероятно, можно осуществить путем постепенного выявления универсалий различной степени сложности. При этом языки должны быть соизмеримыми, т. е. по возможности описываться посредством единого образного терминологического аппарата. Для того чтобы термины могли служить общей мерой измерения различных языков, их значения должны отражать максимально общие свойства языковых единиц, стоящие над типологическими различиями языков.

К наиболее фундаментальным категориям контрастивной лингвистики М. А. Халлидей относит единицу, структуру, класс, систему, считая их универсальными и способными стать базой сравнительного описания разноструктурных языков. Мы считаем, что этот список можно дополнить, а также отнести к числу универсальных единиц межъязыкового сопоставления поле (трактуемое в зависимости от конкретных целей исследования как грамматико-лексическое или функционально-семантическое). Изучение контрастивно-типологической проблематики целесообразно вести с позиций теории поля, специализирующейся на выявлении связей разнородных средств языка и максимально отвечающей характеру и задачам контентивной типологии универсалий.

Во-первых, полевая методика в данном случае означает, что постулируется некоторый семантический инвариант. Варианты и модификации последнего могут быть изучены на материале конкретных языков. При сравнении обобщенная единица плана содержа-

ния используется в качестве межъязыкового семантического субстрата. Вариантно-инвариантное строение поля, таким образом, моделирует вариантно-инвариантное строение языка; а вариантно-инвариантное строение языка, считает В. М. Солнцев [5], моделирует вариантно-инвариантное строение мира.

Во-вторых, семантический стимул, лежащий в основе поля, затрагивает всю его структуру, проецируясь на ее различных уровнях. Поэтому появляется возможность оперировать понятием, увязывающим и отражающим диалектическое взаимодействие формы и содержания в языке.

В-третьих, данная модель позволяет держать в поле зрения процессы конвергенции и дивергенции, даже в их сложном переплетении. Она применима и при исследовании внутриязыковых факторов изменения и развития языков, а также существенно дополняет описание языков с принципиально отличной точки зрения, поскольку может способствовать решению ряда проблем взаимоотношения языка и мышления, функционирования языка при переходе от языка к речи.

Таким образом, эффективность поля, прежде всего его объяснительная способность, существенно превосходят соответствующие возможности других, особенно формально-типологических дескриптивных схем. Это обусловлено тем, что поля тесно связаны с обобщением и унификацией лингвистических описаний, с установлением общих межъязыковых признаков, с возможностью конкретизации системного описания и применением конкретных методов сравнительного анализа языков на основе общих принципов взаимоотношения языка и мышления. Именно в этом проявляется метаязыковость полей и их универсальный характер.

Список литературы: 1. Гухман М. М. Историческая типология и проблемы диахронических констант. М., 1981. 2. Кацнельсон С. Д. Лингвистическая типология.— *Вопр. языкознания*, 1983, № 3, с. 3—12. 3. Климов Г. А. Принципы контентивной типологии. М., 1983. 4. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. 5. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы.— *Вопр. языкознания*, 1984, № 2, с. 3—10. 6. *Birnbaum H. Problems of Typological and Genetic Linguistics Viewed in a Generative Framework.* Hague; P., 1970. 7. *Capell A. A Typology of Concept Domination.*— *Lingua*, 1965, 15, p. 37—49. 8. *Greenberg J. Language Typology: A Historical and Analytic Overview.* Hague; P., 1974. 9. *Krzeszowski T. P. Contrastive Analysis in a New Dimension.*— In: *Contrastive Linguistics and the Language Teacher.* L., 1981, p. 41—47.

Поступила в редакцию 30.08.84.

ОТГЛАГОЛЬНОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ
«ИМЯ ЛИЦА» В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема номинализации (выражения предикации именными средствами) давно привлекает внимание ученых. На существенную роль именного компонента в индоевропейских языках в развитии простого предложения по линии усложнения его предикативного содержания указывал еще А. Мейе. Явление номинализации во французском языке описал Ш. Балли. О распространности именных предикатов в русском языке указывали А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, К. С. Аксаков, А. А. Шахматов, в английском языке — О. Есперсен, Дж. Керм. Чешские лингвисты В. Матезиус, Б. Трнк, И. Вахек и др. исследовали средства выражения предикации в английском языке в сравнении с чешским.

Интерес к проблемам номинализации усилился в последние два десятилетия в связи с тем, что «именной стиль», как утверждают многие исследователи, получил широкое распространение, проникнув во все сферы коммуникации. Номинализацию ученые рассматривают как типологическое явление, объясняя ее широкое распространение продуктивностью словообразовательных моделей «глагол — существительное», соображениями языковой экономии и экспрессивно-стилистическим потенциалом номинальных структур.

Семантическая емкость номинальной модели определяется в первую очередь существительными в позиции предикатива. Объектом нашего внимания являются существительные со значением «имя лица», образованные от глагола путем деривации и выступающие в функции предикатива в предложениях, которые можно описать формулой $N_1 - V_{\text{cop}} - N_0$ (He is a teacher). Общим семантическим признаком данных существительных служит компонент [+человек]. Общность формальных признаков проявляется в наличии специфичного для данных существительных набора суффиксов и моделей словообразования. Производное существительное представляет собой сложный номинативный знак, сочетающий общекатегориальные значения исходного и результативного классов деривации и отражающий их в своей формальной и смысловой структуре расчлененным образом [2, с. 65].

В отглагольных существительных со значением «имя лица» находят одновременно выражение такие понятия, как «агенса — действие», «субъект — состояние», «пациенса — процесс», «адресат действия — действие» и т. д. Смысловая структура производного существительного представляет собой иерархическую систему со следующими составляющими: *общекатегориальное значение части речи, словообразовательное, грамматическое, лексическое и стилистическое значение.*

Индивидуальное лексическое значение производного образуется за счет взаимодействия лексического значения исходной единицы и словообразовательного значения, передаваемого суффиксом. Поэтому признаки семантических разрядов и категорий получают в производном формальное выражение [1, с. 245].

Ономасиологическая структура производного складывается из ономасиологического базиса, которым является суффикс (указатель обобщенного класса), и ономасиологического признака — переменной величины (основы) [3, с. 196]. Однако значение производного не представляет собой простой арифметической суммы, получаемой в результате сложения значений основы и суффикса. С одной стороны, суффиксы, помимо общекатегориальных, обладают набором сем (чаще всего потенциальных), реализуемых в зависимости от присоединения к той или иной основе. С другой стороны, в производном существительном исходная основа может подвергнуться переосмыслению:

1) специализации значения (например, в существительных со значением профессиональной принадлежности), ср.: detect — открывать, находить, обнаруживать; detective — сыщик;

2) метафорическим (метонимическим) переносам, ср.: whisper шептать; whisperer — (метаф.) а) сплетник; б) тайный осведомитель; reside — проживать; resident — а) житель; б) (метон.) резидент.

В результате в производном существительном происходит «приращение значения», т. е. появляются семы, отсутствующие в исходном глаголе, что ведет к значительным расхождениям как в объеме, так и в содержании информации, передаваемой исходной и производной единицей.

Обладая собственным (даже самым общим) словообразовательным значением, суффиксы служат формальным индикатором принадлежности производного существительного к той или иной категориальной группе и могут быть средством передачи различных грамматических значений. Суффиксы -er, -or употребляются прежде всего для образования существительных со значением «дейтель» (speaker, inventor).

С помощью суффиксов -ee, -ling, -ant, -ent, -wan образуются существительные со значением — «объект действия» (addressee, founding, etc.). Благодаря этому, в отглагольных существительных со значением «имя лица» передаются залоговые отношения, например, examiner — examinee. Суффикс -ess, с помощью которого образуются существительные со значением лица женского пола (huntress, teacheress, etc.) являются одним из средств, компенсирующих отсутствие в английском языке грамматической категории рода.

Аффиксы могут использоваться и как стилистическое средство. Так, ряд суффиксов имеет собственную стилистическую коннотацию, например, значение отрицательной качественной характеристики: -ling (hireling), -ard (jailard), -ster (trickster); шутливый

оттенки: -ee (seductee, etc.). Префиксы archi-, -extra-, hyper-, ultra-, super-, используемые как средство выражения категории интенсификации, служат для передачи различных оттенков субъективной модальности: superswindler, extrasaver, etc.

Специфика отглагольного существительного создается гибридность его значения. В нем уживаются, дополняя друг друга, особенности глагола и имени. Отглагольное существительное сохраняет, а при необходимости реализует валентностные свойства исходного глагола: I am a great believer in the truth (Robbins). Залоговость получает в отглагольном существительном выражение уже на уровне словообразования: examiner (актив) — examinee (пассив).

Аспектуальность может быть реализована как на уровне словообразования (существительные со значением результативности: loser, winner, etc.), так и в синтагматике (в предложениях, где существительное приобретает характер качественной характеристики субъекта (итеративность): John was quite a dresser too (Hemingway).

Темперальность (относительная) и модальность (субъективная) реализуются отглагольным существительным только в синтагматике, в конструкциях с модификациями именного компонента: After all, I am only a lousy ex-Waiter (Collins).

Отглагольное существительное, как результат «свертывания» целого суждения — (“an underwater swimmer” — “the one who is swimming underwater”) несет запас имплицитных значений, которые обогащают и усложняют основную предикативную ось предложения. Оно расширяет семантический потенциал предложения и служит эффективным средством языковой экономии. Как класс существительных в целом, отглагольные существительные отличаются широким позиционным диапазоном, который может ограничиваться теми или иными факторами, прежде всего, семантикой самого существительного. Например, существительные со значением процессуальности и статальности заполняют в предложении любые позиции, но в функции предикатива без модификаторов они, как правило, не встречаются. Надо полагать, что по характеру своей семантики существительные данного разряда несовместимы с идеей классификации, составляющей одно из основных значений номинальных моделей, что не может не сказаться на их позиционном диапазоне.

Таким образом, в отглагольном существительном переплетаются и органично дополняют друг друга характерные особенности, присущие двум полярным частям речи — имени и глаголу. С одной стороны, широкий позиционный диапазон и способность к сочетанию с различными модификаторами, значительно расширяющими информативный заряд и обеспечивающими обширную шкалу стилистических коннотаций; с другой — валентные свойства, а также семантическое разнообразие и гибкость глагольного слова. Отсюда богатый семантический потенциал и значительное

стилистическое разнообразие номинальных конструкций, в которых отглагольные существительные используются в качестве предикатива.

Функциональная значимость номинальной модели в значительной степени повышается за счет того, что отглагольные существительные со значением «имя лица», участвующие в пополнении словарного состава языка, образуются по модели, имеющей открытый характер, что подтверждается многочисленными окказионализмами, еще не зарегистрированными в словарях, напр.: *She was a great forgetter and returner* (Christie).

Список литературы: 1. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование. — В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977, с. 222—303. 2. *Ее же*. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978. 3. *Do-kulil M. Tvorení slov v češtině*. 1. Teorie o odvozování slov. Praha, 1962.

Поступила в редколлегию 01.10.84.

Р. Г. ТКАЧЕНКО, канд. филол. наук,
Л. В. ТАРАСЕНКО

ВАРЬИРОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ НА -body И -one В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА XIX—XX вв.

Интерес лингвистов к проблеме вариативности языка в целом, а также продолжающиеся споры относительно статуса местоимений в системе частей речи английского языка свидетельствуют о том, что такой своеобразный речезыковой феномен, как английские местоимения, в морфологической структуре которых имеется компонент -body или -one, малоисследован.

В этой связи необходимо решить ряд вопросов: определить функции -body и -one в местоимении, установить, являются ли они синонимами, т. е. относятся к варьированию в широком смысле слова или это формальные альтернанты, а также тенденции их употребления в различных национальных вариантах полинационального английского языка.

Полагаем, что данный круг проблем обусловлен и самой природой варьирования, которое, затрагивая единицы всех уровней системы языка и все области языковых отношений, выступает как манифестация его диалектической природы, как одно из проявлений борьбы старого и нового в языке.

Рассмотрим один из частных вопросов варьирования — варьирование местоимений на -body и -one в BE и AE на основе анализа оригинальных текстов английских и американских писателей XIX—XX вв. Общий объем выборки составил 3500 примеров из произведений 41 автора.

Нами были исследованы местоимения различных семантико-грамматических подклассов, объединенных формальным признаком — наличием в их структуре наряду с первым местоименным компонентом (some-, any-, every-, по-) компонента -body или -one, статус которого не имеет однозначного толкования в лингвистической литературе. Исходя из этого, принадлежность местоимений типа someone, somebody к составным (compounds) или производным (derived) продолжает оставаться объектом дискуссий.

В современном языкознании, наряду с так называемыми «чистыми» аффиксами, ученые выделяют группу морфем промежуточного характера, соотносимых с полнозначными единицами. Обладая двойственной природой в своем значении и использовании, у них проявляются как свойства свободных основ, так и суффиксов. На основании этого Г. Марчанд предложил подобные элементы считать «полуаффиксами» [4]. Полагаем, что в своих основных положениях соображения автора могут быть распространены на -body и -one. Придерживаясь его терминологии, назовем местоимения исследуемого типа «псевдосложными» (pseudocompounds).

Поскольку -body и -one подвержены лексической десемантизации, что способствует их превращению в аффиксы, можно предложить следующие доводы в подтверждение этого положения: 1) отсутствие между морфемами -body и -one семантических или грамматических различий, что характерно для тождественных аффиксов; 2) десемантизации сопутствует и фонетическая редукция анализируемых форм.

Что же касается решения вопроса о природе варьирования местоимений на -body и -one, то прежде чем высказать какое-либо суждение относительно того, являются ли данные местоимения синонимами, т. е. входят ли в круг явлений, рассматриваемых как варьирование в широком смысле слова, или следует признать, что местоимения на -body и -one различаются только материальной формой полуаффиксов, необходимо исследовать семантические, функциональные, дистрибутивные и стилистические свойства этих местоимений. Изучение семантики данных местоимений в различных контекстах не обнаружило каких-либо семантических или стилистических различий, что подтверждается возможностью их параллельного использования в одном контексте: Someone young ... somebody tame would do the trick ... (A. Christie).

Детальный анализ синтаксического использования местоимений также обнаружил принципиально тождественный характер их функционирования с незначительными колебаниями в XIX—XX вв. в обоих вариантах английского языка.

По нашим данным, как для местоимений группы -body, так и для местоимений группы -one в течение двух столетий в BE и AE наиболее характерными позициями являются позиции подлежащего, предложного и прямого дополнений. В отличие от существительных, исследуемые местоимения не могут употребляться в качестве препозитивного определения в форме common case,

что может рассматриваться как дополнительный синтаксический признак, препятствующий объединению субстантивированных местоимений с существительными. В целом для данных местоимений анализ функциональных характеристик не подтвердил зависимость между их формой и функцией.

Следовательно, сосуществование местоимений на *-body* и *-one* представляет собой своеобразный лингвистический феномен — чисто формальное варьирование на лексическом уровне не отдельных лексем, а целых подклассов, т. е. явление, которое возможно только в естественной знаковой системе. Определив таким образом характер варьирования анализируемых местоимений, перейдем непосредственно к данным наших наблюдений относительно динамики их использования. В результате анализа было обнаружено, что в ВЕ литературы XIX в. из 1000 случаев употребления данных местоимений зафиксированы 64 % случаев на *-body*, 36 % случаев — на *-one*. Для АЕ XIX в. формы на *-body* также доминируют: 70 % и 30 % случаев употребления местоимений на *-body* и *-one* соответственно.

В X в. в ВЕ формы на *-one* преобладают над формами на *-body* (65 % и 35 % соответственно). В АЕ местоимения на *-body* и в XX в. занимают ведущее положение (65 %), однако в корпусе местоимений на *-one* зарегистрирован определенный рост их удельного веса (с 30 % до 35 %). Различное соотношение местоимений на *-body* и *-one* выступает как дополнительный дифференциальный признак этих вариантов.

Следовательно, национальные варианты единого полинационального языка в границах рассматриваемого нами явления развиваются в одном направлении, хотя интенсивность сдвигов различна для ВЕ и АЕ, что было отмечено и для других микросистем [2].

Тенденция к преобладанию форм на *-one* в современном английском языке (как в ВЕ, так и в АЕ) пробивает себе дорогу, преодолевая сопротивление уже сложившейся системы. Поэтому вполне закономерными представляются отклонения, которые нами были зафиксированы наряду с системными явлениями. Это особенно наглядно выражается в произведениях отдельных авторов, свидетельствуя о том, что выбор местоимения может определяться субъективным предпочтением той или иной формы. Так, у В. Скотта местоимения на *-one* значительно преобладают: 24 : 1, а у Д. Лоуренса — 18 : 80. В АЕ показательное использование местоимений Дж. Стейнбеком — 2 : 69, а у И. Шоу — 168 : 60.

Наибольшая частота употребления характеризует класс отрицательных местоимений в обеих группах. По-видимому, их доминирующее положение в XIX в., равно как и значительный удельный вес в XX в., следует рассматривать на фоне общих закономерностей английского языка как языка монологического, в котором построение семантически отрицательного предложения может быть и не связано с предикатным негатором [3], что невозможно в поли-

негативных языках. Итак, отрицательные местоимения выполняют двойственную функцию члена предложения и негатора: At that moment, nobody in the whole world knew where he was (I. Shaw).

Рассмотрев отдельно использование местоимений, содержащих в своей структуре компонент *-body* или *-one* в авторской речи и кодифицированной разговорной, можно сделать вывод о том, что существенных различий в использовании этих местоимений нет. Следовательно, речь идет об общей тенденции, захватывающей как авторскую речь, так и диалогическую.

Таким образом, местоимения, содержащие в своей структуре полуаффикс *-one*, преобладают в ВЕ XX в. (их удельный вес возрос вдвое). В АЕ наметилась та же тенденция, но менее интенсивная — статистически все еще преобладают местоимения на *-body*. Преобладание местоимений на *-one* в ВЕ и их рост в АЕ наблюдается во всех разрядах местоимений этой морфологической структуры (неопределенных, обобщающих, отрицательных). Самая высокая частота употребления зарегистрирована в классе отрицательных местоимений в обоих анализируемых вариантах языка, что связано с монологической системой английского языка. Исследуемые типы местоимений не являются синонимами, поскольку не различаются ни семантически, ни функционально, ни стилистически. Они представляют собой лексемы-альтернанты, находящиеся в отношениях формального варьирования, или варьирования в узком смысле слова, т. е. в отношениях формального варьирования находятся не отдельные лексемы, а группы лексем. Компоненты *-body* и *-one* претерпевают процесс превращения в суффиксы. Появление этих полуаффиксов является закономерным феноменом, присущим языку XX в. Гипотетически можно предположить, что в процессе десемантизации и последующей суффиксализации морфем *-body* и *-one* предпочтение отдается более отвлеченному компоненту, прономинальному по своей природе. Именно этим и объясняется наметившаяся в современном английском языке тенденция к статистическому преобладанию местоимений на *-one*.

Список литературы: 1. Гак В. Г. Языковая вариантность в свете общей теории вариантности. — В кн.: Вариантность как свойство языковой системы. М., 1982, с. 72—90. 2. Липко И. П. Варьирование структуры вопросительных и отрицательных предложений с глаголом «have» в американском варианте английского языка. — Вестн. Харьк. ун-та, 1983, № 243, с. 19—22. 3. Юхт В. В. Общеотрицательное предложение в монологической системе (на материале современного английского языка). — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1983. 4. Marchand H. The Categories and Types of Present — Day English Word — Formation. Alabama, 1965.

Поступила в редколлегию 30.08.84.

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА МЕРУ ГЛАГОЛЬНОЙ
ИНДУКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В современной лингвистике уделяется еще недостаточно внимания изучению причин, детерминирующих меру глагольной индуктивности [5]. Так, к числу нерешенных относится и вопрос о роли экстра- и интралингвистических факторов в актуализации глагольного словосочетания $V + V_{inf}$. Теоретические положения, из которых исходят исследователи при решении данной проблемы, разнообразны. Одни ученые стоят на позициях жесткого разграничения экстра- и интралингвистических факторов, считая, что исследование взаимодействия указанных факторов должно проводиться на основании их раздельного изучения [1, 5]. Другие — усматривают органическую связь обоих факторов при анализе системы языка [2, 3].

В данном исследовании попытаемся выявить причины, которые способствуют (препятствуют) актуализации индуктивного глагола. Прежде всего рассмотрим лексико-семантическую сторону данного явления. Глагольная индуктивность проявляется на основе полисемии глаголов, когда изменения в значении слова приводят к потере индуктивных свойств. Проиллюстрируем данное положение на примере глагола *seek*. В словаре под редакцией А. Хорнби этот глагол может реализовать шесть вариантов значений [6]. Однако лишь в четвертом варианте данный глагол выступает как индуктивный. Примерами реализации только одного варианта значения в индуктивном словоупотреблении могут служить также глаголы *decide*, *plan*, *start*, *seem*, *prove*, *appear*, *mean* и др. В связи с этим проверим наличие какой-либо взаимосвязи между объемом семантической структуры слова (количество значений) и мерой индуктивности, выражаемой через коррелятивную функцию (КФ), т. е. установим, должна ли мера глагольной индуктивности конкретного глагола находиться в некоторой зависимости от числа лексико-семантических вариантов, составляющих структуру его значения.

Сопоставительный анализ значений меры индуктивности и семантической структуры каждого глагола показал, что такая зависимость не проявляется. Это отчетливо видно на примерах таких однозначных глаголов, как *refuse* («отказаться»), *attempt* («пытаться»), *tend* («иметь склонность»), мера индуктивности которых (по значениям КФ) в подязыке политической хроники равна 2,65, 1,22, 0,25. С другой стороны, мера индуктивности многозначных глаголов *seek* (шесть значений), *plan* (три значения) и *mean* (пять значений), количественные характеристики которых в том же подязыке составили 2,76, 2,08, 0,06. Это свидетельствует о том, что никаких отличительных особенностей по значениям КФ между однозначными и многозначными единицами обнаружено не было.

Тогда мы сделали другое предположение, что высокая мера индуктивности у многозначного слова может быть обусловлена реализацией только основного (первого) лексико-семантического варианта значения. С целью проверки данного предположения мы продолжили изучение семантической структуры исследуемых объектов в сопоставлении с их значениями КФ. В результате установлено, что большинство многозначных слов проявляют в этом случае сильное тяготение к индуктивному словоупотреблению. В качестве примера можно привести глагол *agree*. Поскольку данный глагол отличается высокой мерой индуктивности (КФ в политической хронике равна 2,81) и его индуктивное употребление связано с речевой реализацией основного лексико-семантического варианта значения («соглашаться»), в этом можно было бы усмотреть некоторую взаимозависимость. Тем более, что были зафиксированы случаи очень слабой речевой релевантности к данной валентности при реализации неосновного значения, например, у глаголов *prove* и *mean*. Однако действие такого соотношения распространяется не на все объекты исследования, даже внутри одного подязыка. Анализ конкретного материала позволил установить, что несмотря на реализацию основного лексико-семантического варианта значения, некоторые слова имеют низкое значение КФ (например, у глагола *seem* КФ в политической хронике равна 0,27), а глаголы, реализующие неосновной вариант значения, могут иметь достаточно высокую меру индуктивности (например, КФ глагола *decide*, реализующего второй вариант значения, равна 2,37). В то же время существует ряд однозначных глаголов, которым не присущи высокие количественные характеристики по данной валентности. Так, глагол *attempt*, реализующий только один вариант своего значения, характеризуется невысокой мерой индуктивности, находясь в нейтральной зоне в подязыке политической хронике (КФ = 1,22). Приведенные данные подтверждают тот факт, что здесь отсутствует единая закономерность синтаксического поведения слов в зависимости от реализации основного/неосновного варианта значения.

Предположение, что высокая мера глагольной индуктивности у многозначных слов вызвана актуализацией не одного, а нескольких лексико-семантических вариантов индуктивного словоупотребления, также не имеет основания, поскольку глаголы, реализующие несколько вариантов своего значения, не всегда обладают сильной мерой индуктивности. Так, глагол *continue*, реализующий два варианта значения, характеризуется в политической хронике сильной (КФ = 1,85), а глагол *like*, реализующий три варианта, — слабой мерой индуктивности в том же подязыке (КФ = 0,25). Таким образом, в данном случае можно предположить отсутствие какой-либо общей закономерности относительно типа семантической структуры индуктивного глагола и меры его лексико-синтаксической связи с зависимым инфинитивом. Следовательно, мера глагольной индуктивности в значительной степени зависит от инди-

видуальных особенностей лексико-семантического варианта значения, реализуемого в типических условиях. Этот вывод подтверждается также фактами преобладающего тяготения глаголов тождественной семантики к определенному подъязыку. Например, *verba putandi* и *verba dicendi* тяготеют к подъязыку политической хроники, *verba voluntatis* — к диалогической речи, а глаголы кажимости (*seem*, *appear* и др.) — к подъязыку электроники и радиопизики.

Актуализация индуктивного словоупотребления, несомненно, зависит в известной степени от особенностей лексического значения слова. Однако сам семантический фактор не может объяснить наличие различной индивидуальной меры у глаголов. Индивидуальные особенности лексико-семантического варианта значения слова находятся в тесной взаимосвязи с характером денотата (экстралингвистическим фактором).

При исследовании причин, способствующих или препятствующих актуализации глагольной индуктивности, нельзя не учитывать еще один фактор, обуславливающий колебание меры глагольной индуктивности — синтаксический. Несмотря на то что большинство исследуемых глаголов тяготеет к индуктивному словоупотреблению, представляющему в данной работе базовую связь (глаголы *try*, *attempt*, *want*, *refuse* и др.), ряд средне- и слабоиндуктивных глаголов дополняет потенциал данной валентности, присоединяя герундиальный комплекс (например, *like*, *start*, *continue*, *intend*). Некоторые индуктивные глаголы могут реализовать комментабельное словоупотребление, репрезентируемое придаточным изъяснительным предложением с союзом *that* (*hope*, *happen*, *agree*). Кроме того, меру глагольной индуктивности могут снижать и другие синтаксические связи — присоединение существительного с предлогом (или без него), оборота «объектный с инфинитивом», придаточного описательно-определяющего предложения, вводимого вопросительными местоимениями (*what*, *which*, *how* etc.).

Хотя актуализация перечисленных выше случаев препятствует индуктивному функционированию, влияние других валентностных типов, как об этом свидетельствуют примеры толковых словарей, незначительно. Поставив перед собой цель выяснить, какие из глаголов проявляют положительное или отрицательное отношение к выявленным типам валентности, мы изучили примеры интересующих нас вариантов значения в различных лексикографических источниках. В результате мы пришли к выводу, что глаголы эмоционального отношения, кажимости и фазы процесса реализуют, главным образом, вербальность (присоединение инфинитива и герундия или герундиального комплекса), комментабельность и в редких случаях абсолютное словоупотребление. Таким образом, их валентностный потенциал исчисляется в основном тремя валентностными типами. Глаголы, отнесенные к семантическим классам интеллектуальной и коммуникативной деятельности, обладают большим валентностным потенциалом. Так, валентность глагола *agree* в индуктивном варианте значения может быть дополнена

и представлена пятью валентностными типами. Об этом свидетельствуют примеры, приведенные в словаре А. Хорнби [6]. Подобно глаголу *agree* многочисленными синтаксическими связями характеризуются глаголы, отнесенные к семантическому классу *verba putandi*: *mean, learn, propose, intend*. Однако этого нельзя сказать обо всех представителях данных семантических классов (например, о непереходном глаголе *hesitate*). Здесь на количество типов валентностной парадигмы может оказывать влияние такой внутрисистемный фактор, как отнесенность глагола к переходным и непереходным. Хотя значительная часть глаголов коммуникативной и интеллектуальной деятельности обнаруживает, кроме индуктивного словоупотребления, тяготение к другим валентностным типам, это явление отнюдь не однозначно.

Итак, обобщив результаты наблюдений, можно утверждать, что представители семантического класса эмоционального отношения, кажимости и фазы процесса обладают тенденцией к бивалентной и тривалентной связям. Примерами бивалентной связи служат глаголы *want, choose, attempt, happen, turn out, a* тривалентной — *refuse, offer, continue*. В то же время представители двух других семантических классов (глаголы интеллектуальной и коммуникативной деятельности) реализуют поливалентную связь, исчисляемую для некоторых глаголов пятью валентностными типами (*intend, mean, forget, learn, agree*). Естественно, это снижает их активность в реализации индуктивной связи. Данный фактор, наряду с лексико-семантическим, может в определенной степени обуславливать меру глагольной индуктивности. При этом наше исследование типов валентности не дает полной картины их удельного веса. Очередность приводимых в тезаурусах примеров не является надежным критерием силы их активности, поскольку в ряде случаев она различна в тех или иных лексикографических источниках. Более того, для некоторых глаголов в индуктивном словоупотреблении примеры вообще не приводятся. Причина, на наш взгляд, состоит в специфике их подязыкового функционирования.

Таким образом, понижение удельного веса индуктивного словоупотребления обусловлено несколькими факторами: внутрисистемными — индивидуальными особенностями лексико-семантического варианта значения слова, его принадлежностью к переходному/непереходному, а также типом валентности, к которому слово тяготеет. Воздействие данных факторов осуществляется в тесной взаимосвязи с экстралингвистическим (характером денотата). Поэтому экстралингвистический фактор влияет на индивидуальную меру индуктивности не прямым, а косвенным путем, через внутрисистемные факторы. Следовательно, на меру глагольной индуктивности существенное влияние оказывают особенности лексических значений индуктивного глагола, употребительность этих значений в тексте, а также наличие у индуктивного глагола других валентностных свойств.

Список литературы: 1. Березжан С. Г. О лингвистической отражательной семантике.— В кн.: Исследования по семантике русского языка. Лексическая и словообразовательная семантика. Уфа, 1979, с. 3—11. 2. Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности.— *Вопр. языкознания*, 1972, № 5, с. 12—22. 3. Кожин А. Н. Об экстралингвистическом аспекте эффективных обозначений.— В кн.: Науч. тр. Курск. пед. ин-та, 1977, 175. № 4, с. 55—57. 4. Хименко В. В. Некоторые данные структурно-вероятностного анализа индуктивных немодальных глаголов в современном английском языке.— *Вестн. Харьк. ун-та*, 1982, № 231, с. 93—97. 5. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1974. 6. *The Advanced Learner's Dictionary of Current English* / Ed. by A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. I., 1958, p. 21.

Поступила в редколлегию 30.08.84.

Ю. К. ЧУЧКО, канд. филол. наук

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование путей возникновения предлогов из предложных сочетаний позволило выделить следующие основные закономерности этого процесса. Некоторые предложные сочетания теряют в результате первый компонент словосочетания — предлог, напр.: *von wegen* — *wegen*, *in kraft* — *kraft*. Так произошло с теми предложными сочетаниями, которые возникли в средневерхненемецком периоде. Этот переход был связан с морфологическими изменениями и упрощением модели всего предложного сочетания. Данное усечение модели предложного сочетания не влечет за собой изменений в функции предлогов, так как основной элемент усеченного предложного сочетания (существительное в косвенном падеже) выполняет в предложении первоначальную функцию всего предложного сочетания, хотя воспринимается говорящими как предлог, требующий после себя дополнения в родительном или дательном падеже. Подобная тенденция характерна для средневекового периода, но не прослеживается в более поздние периоды развития языка. Исключение составляет лишь предложное сочетание *an Statt*, которое, с одной стороны, при переходе в класс слов «предлоги» теряет предлог *an*. С другой стороны, в развитии языка происходит сращение двух компонентов *anstatt*. Таким образом, здесь налицо перекрещивание двух тенденций: исчезновение предлога и сращение. Существование двух вариантов бывшего предложного сочетания в современном немецком языке (*anstatt*, *statt*) свидетельствует о том, что процесс формирования данного предлога еще не закончен. Это обусловлено еще и тем, что он может выступать в предложении и в качестве союза: *Statt des Buches nahm er eine Zeitschrift. Aber: Statt ins Kino zu gehen, ging sie in die Bibliothek.*

Важной особенностью предложных сочетаний, используемых в современном немецком языке в функции предлогов, является их стремление к сращению двух компонентов всего предложного сочетания (an Hand — anhand, an Stelle — anstelle). Тенденция к сращению, впервые проявившаяся еще в средневерхненемецком периоде, имеет место и в настоящее время (auf Grund — aufgrund, in Form — inform). Сращение двух компонентов предложного сочетания обусловлено синтаксически, так как непосредственный контакт двух компонентов предложного сочетания в функции предлога в предложении позволяет воспринимать их как единое целое, что и предопределяет их слитное написание (infolge des schlechten Wetters). С точки зрения диахронии сращение возникает из синтаксической связи двух компонентов предложного сочетания. Данная закономерность характерна лишь для структур предложных сочетаний, имеющих в совокупности не более трех слогов. Однако это не распространяется на те предложные сочетания, у которых более трех слогов в двух компонентах; если они вводятся предлогами unter, mit, von; имеют в своей структуре отглагольные существительные женского рода с суффиксом -ung или существительные с отделяемыми и неотделяемыми приставками (aus Anlaß, in Hinsicht auf, in betr eff, in besug, unter Berufung auf).

Следовательно, из всех предложных сочетаний, выполняющих в предложении функцию предлогов, в современном немецком языке нет ни одного, которое может принять форму сращения (in übereinstimmung mit, im Auftrage, unter Leitung).

Особое место среди рассматриваемых предлогов занимают предлоги с маркировкой *s*, которые являются «скрытыми» предложными сочетаниями, так как они образованы от идентичных предложных сочетаний и синонимичны им, напр.: anfangs — am Anfang, swecks — zum Zweck (mit dem Zweck), namens — im Namen, hinsichts — in Hinsicht auf. Данные предлоги выполняли в средневерхненемецкий период функцию наречий [1], хотя позднее эту функцию заменил предлог в предложении. Единственным из рассматриваемых предлогов данной группы, сочетающим в современном немецком языке функции наречия и предлога, является предлог-наречие anfangs (Anfangs des Jahres fährt er nach Weimar. Aber: Anfangs war das Studium sehr schwer).

Одной из особенностей этого предлога является его употребление в сочетании с названиями месяцев в форме существительного без вторичного *s*, напр.: Anfang Mai, Anfang April. Таким образом, в течение столетия данный предлог претерпел следующие орфографические и морфологические изменения: anfangs Mais — anfangs Mai — Anfang Mai [2]. Анализ позволил установить такие пути возникновения предлогов этой группы: а) застывшие падежные формы существительных (angesichts) с сохранением слабой формы и добавлением вторичного *s* (seitens); б) субстантивированное прилагательное (например, mittel), которое с присоединением приставки -*ver*-, вторичного *s* и *t* переходит в класс слов «пред-

логи» со значением *mit Hilfe*; в) образование предлога по аналогии с уже существующим, как это имело место с предлогом *hinsichts* [4].

Более поздней группой предложных сочетаний, причисляемых по их основной функции в предложении к классу слов «предлоги», являются те предложные сочетания с субстантивированными глаголами в качестве второго компонента, которые часто требуют после себя предложного дополнения в косвенном падеже. Основная особенность этой группы предлогов заключается в громоздкости всей конструкции предложного сочетания (*in übereinstimmung mit, im Vergleich zu*), почти полное отсутствие слов-заменителей (синонимов), а также окказиональность словообразования (*unter Nutzung, mit Duldung*), что свидетельствует об их одноразовом использовании, о нетипичности наряду с другими предлогами. Некоторые из этих предложенных сочетаний имеют равноценные варианты (*in Hinsicht auf — hinsichts*), однако чаще всего их можно заменить другими грамматическими средствами. Такая замена приводит к перестройке конструкции предложения, что, безусловно, не всегда отвечает особенностям жанра (например, в публицистике). Ср.:

Die Delegation unter Leitung des Vorsitzenden des Friedensrates traf gestern in Berlin ein; Die Delegation, die vom Vorsitzenden des Friedensrates geleitet wird, traf gestern in Berlin ein; Die Delegation, die gestern in Berlin eintraf, leitet der Vorsitzende des Friedensrates; Die vom Vorsitzenden des Friedensrates geleitete Delegation, traf gestern in Berlin ein; Die Delegation mit dem Vorsitzenden des Friedensrates an der Spitze traf gestern in Berlin ein.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что замена предложного сочетания в функции предлога *unter Leitung* невозможна без существенного изменения структуры предложения.

Итак, при исследовании предложных сочетаний, выступающих в современном немецком языке в функции предлогов, можно выделить четыре основных тенденции возникновения и развития вторичных предлогов. Это обусловлено стремлением к переходу от синтетического построения предложения к аналитическому, который наметился уже в древневерхненемецкий период.

Список литературы: 1. *Admoni W.* Der deutsche Sprachbau. L., 1960, S. 128. 2. *Das Grämmische Wörterbuch*, Bd. 1—16. Leipzig, 1854—1954., Sp. 327. 3. *Brinkmann.* Studien zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Bd. 1. Düsseldorf, 1965, S. 11. 4. *Paul H.* Deutsche Grammatik, Bd. 4—5. Halle a/S, 1919/1920, S. 11.

Поступила в редколлегию 30.08.84.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Е. И. БЕЙДЕР, канд. пед. наук

О РОЛИ ИНДУКТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ ГРАММАТИКОЙ

При изучении процесса усвоения родного языка необходимо рассматривать интеллектуальную деятельность, направленную на раскрытие значений и функций языковых единиц. Такие исследования внесли бы значительный вклад не только в теорию речевой деятельности, но и позволили бы наметить конкретные пути повышения эффективности обучения иностранным языкам. Особое внимание в исследованиях такого рода следует уделять анализу индуктивных операций. Если исходить из того, что при овладении языком объекты и отношения реального мира (экстралингвистическое) являются метаязыком описания значений и функций языковых единиц, то в этом случае оценка роли индуктивных операций, обеспечивающих соотнесение элементов языка с элементами действительности, становится проблемой мировоззренческого характера. Отрицание роли индуктивных операций при овладении грамматикой послужило одной из причин того, что ряд современных лингвистов, прежде всего Н. Хомский, пришли к мысли о врожденных языковых идеях и априорности грамматических знаний [5]. В более общем смысле можно сказать, что причина ошибки заключается в отрицании «тех форм человеческой деятельности, которые соотносят человека с внешним миром» [4, с. 148]. В процессе усвоения языка Н. Хомский приходит к мысли об априорности грамматических знаний в результате отрицания роли индуктивных операций в овладении грамматикой. Об этом можно судить на основании следующего его высказывания: «...Знание грамматической структуры не может возникнуть в результате последовательного применения индуктивных операций (сегментация, классификация, операции замены, заполнение пустот внутри моделей, ассоциации и т. п.), которые выявлены лингвистикой, психологией или философией... Вряд ли организм, в котором не заложено абсолютно никакой начальной информации об общем характере структуры языка, может в такой степени овладеть этой структурой» [6, р. 58]. Причину непознаваемости грамматических структур Н. Хомский видит в том, что они носят абстрактный характер и, следовательно, слишком сложны для развивающегося ума ребенка. Столь же непосильной задачей для детского ума является, с его точки зрения, овладение способностью совершать сложные эвристические операции, пользуясь бесконечным разнообразием языковых форм в качестве средства коммуникации и мышления.

Рассмотрим некоторые индуктивные операции, связанные с соотнесением элементов языка в действительности в процессе усвое-

ния речи. Эти операции являются неотъемлемой частью деятельности, направленной на одновременное овладение лексическими и грамматическими единицами. Привычное разделение лексики и грамматики может способствовать изучению языка как учебного предмета, или объекта лингвистического исследования. Однако в процессе усвоения родного языка, овладение словом неотделимо от овладения грамматической категорией, к которой оно принадлежит. Следовательно, усвоение ребенком слов, обозначающих названия конкретных предметов, качеств этих предметов, действий и т. д. приводит к усвоению соответствующих грамматических категорий уже на стадии однословных предложений. Индуктивные операции соотнесения в этом случае носят не абстрактный, а вполне «овеществленный» конкретный характер.

В данном случае мы исходим из того, что речевая деятельность по своей сущности эвристична [3]. Эвристическими являются также и операции, направленные на овладение речью. Они представляют собой, в частности, взаимообусловленные процессы принятия решений о значениях и функциях языковых единиц. В предыдущих работах они рассматривались как процессы решения цепочек языковых задач на раскрытие значений и функций языковых единиц. Система таких задач обсуждалась применительно к случаю обучения формализованным языкам [1] и овладения иноязычной речью [2]. Решение цепочек языковых задач направлено на поиск языковых закономерностей. Экспериментальные данные показывают, что в результате решения таких задач испытуемые могут делать определенные теоретические обобщения о закономерностях неизвестного им ранее языка. Наши наблюдения дают основание предположить, что овладение ребенком родным языком в значительной мере носит черты, свойственные процессам решения языковых задач.

Проанализируем некоторые эвристические операции, используемые при решении языковых задач. Одной из таких операций является сегментация, которая заключается в вычленении лексических и грамматических единиц из потока устных речевых сообщений (например, из устных высказываний, первично воспринимаемых испытуемым как целостный акустический комплекс).

В нашем эксперименте, предусматривавшем проведение анализа сегментации, испытуемым предъявлялись устные высказывания на незнакомом им языке. Первое высказывание, представляющее собой структуру двойного названия, соотносилось с указанием на определенный предмет. Следующее высказывание отличалось от предыдущего только последним элементом и соотносилось с указанием на другой предмет. При произнесении первого предложения сегментация не наблюдалась. После предъявления второго высказывания испытуемые вычленяли последний элемент второго, а вследствие этого и последний элемент первого высказывания. Одновременно испытуемые принимали однозначное решение о значении последнего элемента каждого высказывания и его функции

в данном грамматическом построении. Аналогичная процедура применялась для дальнейшего расчленения оставшейся части акустического комплекса. Окончательным результатом эксперимента явилась сегментация всех элементов предъявленных высказываний, а также принятие решений о лексическом значении и грамматической функции каждого элемента.

В описанном эксперименте сегментация оказалась возможной благодаря систематическому применению операции соотнесения. Операция соотнесения некоторых двух явлений любого характера (в данном случае языкового и экстралингвистического) может быть составной частью деятельности любой сложности. В серии проведенных экспериментов преодоление неоднозначности в процессе принятия решений о значениях и функциях языковых единиц происходило путем введения дополнительной информации до тех пор пока объект узнавания не выделялся в качестве единственно возможного. В структуре речевой деятельности, связанной с решением сложных коммуникативных задач, например в процессе раскрытия значений слов через контекст, операция соотнесения направлена на нахождение отношений между известными и неизвестными элементами речевого сообщения.

Анализ применения индуктивных операций при овладении грамматикой подтверждает мысль о том, что «сама «компетентность» в языке является результатом развития его применения и что только в процессе активного отражения действительности и активного общения у ребенка возникает понимание языка» [4, с. 148]. Отрицание роли данных операций при овладении речью приводит сторонников концепции Хомского — Миллера к отрыву языковой способности от языковой активности, а в конечном счете к мысли о «врожденных идеях», посредством которых ребенок овладевает грамматикой.

Таким образом, индуктивные операции соотнесения как постоянное средство приобретения знаний о грамматических закономерностях сами формируются и развиваются при овладении речью. В дальнейшем эти операции становятся необходимым компонентом процессов восприятия и порождения речи.

Список литературы: 1. Бейдер Е. И. Зависимость скорости и точности переработки информации от способа обучения коду. — Пробл. инж. психологии, 1972, вып. 3, с. 113—115. 2. Бейдер Е. И. Мотивационный аспект взаимодействия видов речевой деятельности. — Иностр. яз. в высш. шк., 1981, вып. 16, с. 19—28. 3. Леонтьев Л. А. Эвристический принцип в вопросах восприятия, порождения и усвоения речи. — Вопр. психологии, 1974, № 5, с. 12—22. 4. Лурия А. Р. Научные горизонты и философские тупики в современной лингвистике. — Вопр. философии, 1975, № 4, с. 142—151. 5. Chomsky N. Language and mind. N. Y., 1972. 6. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, 1965.

Поступила в редколлегию 30.08.84.

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ПРЕПАРИРОВАНИЯ ТЕСТОВ ДЛЯ ПРОВЕРКИ УМЕНИЯ ЧТЕНИЯ

В качестве объектов тестирования выбираются либо единицы уровней языка (лексические, морфологические, синтаксические тесты), либо речевая деятельность (тесты по различным видам речевых умений: аудированию, говорению, письму, чтению). Назначение, содержание и характеристики таких тестов широко освещены в научно-педагогической литературе и используются при обучении иностранным языкам [1].

Рассматривая вопрос подбора материалов для проверки умения читать оригинальный текст по специальности, следует учитывать, что на процесс чтения (и понимания содержания) текста влияют лингвистические и экстралингвистические характеристики. При чтении специальной литературы учащийся получает информацию как относящуюся к языку, так и лежащую за ее пределами. «Поэтому задача составителей теста заключается в установлении правильного, с их точки зрения, соотношения между проверкой лингвистической и экстралингвистической информации» [2, с. 7].

Это положение приобретает особое значение при контрольном тестировании умения извлекать информацию из оригинального текста по специальности. В данном случае «лишь небольшая часть заданий может быть направлена на понимание лексико-грамматических и структурных особенностей текста. Основное внимание в тесте должно уделяться полноте, глубине и точности понимания содержания прочитанного» [2, с. 8]. В тексте обычно сообщаются определенные факты, связанные между собой причинно-следственными отношениями (другим типом связи). Поэтому процесс понимания содержания текста заключается в выявлении фактов, о которых идет речь в тексте, а также в установлении характера отношений между ними.

Большинство исследователей указывает на то, что не все элементы текста равноценны с точки зрения содержания информации как объекта извлечения. В тексте выделяется та часть языкового материала, которая служит для читающего как бы опорой при восприятии текста. В качестве смысловых опорных пунктов текста выступают единицы, существенные для понимания его содержания. В связи с этим сошлемся на группу «Textlinguistik» Лейпцигского университета [7]. Ее представители выделяют три типа вербальных элементов: 1) единицы информации, являющиеся информационным зерном (сутью), т. е. элементами, которые несут максимальную коммуникативную нагрузку; 2) языковые средства, призванные облегчить читателю извлечение информации, т. е. средства управления пониманием; 3) избыточные элементы. Первые два типа

единиц следует считать единицами понимания (ЕП) [3, с. 215—218]. Поэтому важно при отборе материала для проверки умения понимать иностранный оригинальный текст по специальности вычленить эти единицы, являющиеся одновременно и контрольными. Общий объем (длина) текста определяется степенью его избыточности. Избыточность языка, как и избыточность любого кода, призвана обеспечить надежность коммуникации [4, с. 215—250]. Представляется, что при установлении количества единиц, существенных для понимания содержания текста, нужно исходить из принципа незаменимости. Последний следует понимать как невозможность опущения того или иного слова при трансформации текста без ущерба для передачи информации. Такие слова мы называем смысловыми единицами. К избыточным элементам текста относятся слова, опущение которых при трансформации текста не влияет на смысл высказывания.

В зависимости от строя языка строевые и служебные слова могут нести различную нагрузку. В русском языке они несут меньшую нагрузку, так как читатель может «руководствоваться более ощутимыми элементами — полными словами — при установлении смысла читаемого» [5, с. 21]. Предлоги, глаголы-связки, местоимения следует относить к избыточной лексике.

В английском языке строевые элементы служат средством управления. В научном тексте языковые средства, передающие причинно-следственные отношения, имеют такое же принципиальное значение для понимания смысла текста, как и те, которые передают предикативные отношения. Смысловыми единицами английского научного текста являются лексические единицы, имеющие самостоятельное значение, а также логические связки. Эти единицы при воспроизведении не могут быть заменены (опущены), поскольку такое опущение искажало бы смысл высказывания или сделало бы его неполным (неточным). К избыточным относятся усилительные частицы, вспомогательные глаголы, глаголы-связки, артикли и т. д.

В немецком языке предлоги хотя и несут меньшую нагрузку, чем в английском, однако их нельзя отнести к избыточной лексике, так как без них практически невозможно обойтись при трансформации текста без ущерба для передачи информации. Избыточными элементами в немецком языке можно считать глаголы-связки, а в некоторых речевых ситуациях — местоимения, артикли.

Среди лингвистических признаков есть и совпадающие в нескольких стилях, поэтому с помощью трансформаций текст можно «перевести в другой функционально-стилевой регистр» [4, с. 15]. Данное положение позволяет при экспериментальном определении смысловых единиц воспользоваться известной в психологии методикой так называемого телеграфного стиля [7, 8, 9]. Суть упомянутой методики заключается в том, что группе испытуемых предлагается текст с заданием составить из него телеграмму. То слово,

которое оставлено в тексте телеграммы половиной испытуемых, считается словом с максимальной информационной нагрузкой (в нашем понимании — смысловой единицей). В качестве испытуемых были преподаватели английского и немецкого языков.

Группе испытуемых по английскому языку был предъявлен текст из журнала «Power Engineering» с заданием сохранить основное содержание текста, одновременно сократив его до минимального объема, и представить его в виде телеграммы, состоящей из 31 слова:

Creep is looked upon as the continuous plastic deformation that occurs in metals when a load is applied to the metal at an elevated temperature over a prolonged period of time.

Испытуемые оставили в тексте те слова, которые, с их точки зрения, несут основную коммуникативную нагрузку, т. е. смысловые единицы. Большинство испытуемых (65 %) включили в телеграмму 17 слов:

creep, continuous, plastic, deformation, in, metals, when, load, applied, to, metal, at, elevated, temperature, over, prolonged, time.

Предлоги к избыточным элементам они не отнесли. Без избыточной лексики данный текст принял следующий вид:

Creep continuous plastic deformation in metals when load applied to metal at elevated temperature over prolonged time.

Информационная структура этого текста включает в себя 12 лексических единиц, имеющих самостоятельное значение; 5 логических связей и 14 единиц избыточной лексики. В общем количестве вербальных элементов последняя составила около 45 %, смысловые единицы (СЕ), которые несут основную информацию и определяют степень трудности текста, — примерно 55 %.

Соотношение количества вербальных элементов и смысловых единиц зависит от типа текста, который отличается степенью избыточности языка и имеет различную плотность смысловых единиц. Под последней мы понимаем отношение количества смысловых единиц к количеству вербальных элементов текста, которое устанавливается по формуле: $\Pi = \frac{СЕ}{ВЭ}$, где Π — плотность текста; СЕ — количество смысловых единиц; ВЭ — общее количество вербальных элементов.

С методической точки зрения важно различать тексты по показателю плотности смысловых единиц, ибо от этого зависит трудность их понимания. Плотность смысловых единиц в научных текстах колеблется от 0,5 (в описаниях и инструкциях) до 0,8 (в формулировках законов, определениях) [6, с. 72].

Следовательно, при определении объема текста необходимо исходить не из количества знаков (вербальных элементов), а из числа смысловых единиц, определяющих степень трудности пони-

мания текста. Чтобы выделить смысловые единицы в тексте, целесообразно предварительно изъять из него всю избыточную лексику, т. е. опустить вербальные элементы, без которых основная информация, заключенная в тексте, не меняется. При подготовке тестовых заданий для проверки умения чтения можно также руководствоваться данными интроспективных наблюдений, т. е. выступить одновременно в роли экспериментатора и испытуемого [3, с. 215].

Список литературы: 1. Беспалько В. П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний.— Сов. педагогика, 1968, № 4, с. 52—70; Гальперин П. Я. К теории программированного обучения. М., 1967; Дадыкина Н. А. К вопросу о некоторых характерных особенностях нестандартизированных тестов.— В кн.: Филология и методика преподавания германских и романских языков. Воронеж, 1973, с. 145—156; Леонтьев А. А. Иерархия речевых умений как объект тестирования.— В кн.: Психология и методика обучения второму языку. М., 1969, с. 28—52; Рапопорт И. А. Об использовании метода тестов при учете успеваемости школьников.— Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1972; Талызина Н. Ф. Теоретические проблемы программированного обучения. М., 1969. 2. Банкевич Л. В. Тестирование лексики иностранного языка. М., 1981. 3. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966. 4. Троянская Е. С. Лингво-стилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982. 5. Фоломкина С. К. Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе.— Иностр. яз. в высш. шк., 1971, вып. 6, с. 21. 6. Юдис А. Б. Использование тестов для контроля умения студентов читать научно-техническую литературу.— Дис. ... канд. пед. наук. К., 1975. 7. Johnson K. K. Recall of Pose as a Function of the structural Importance of the Linguistic Units.— Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour, 1970, No 9. 8. Sprung L. Über einige Abhängigkeitsbeziehungen zwischen Kontexteigenschaften und Reproduktionsleistungen in sinnvollen sprachlichen Texten.— Psychologie, 1964. 9. Wippich W. Syntaktische Komplexität und Reproduktion. Experimentelle Untersuchungen zur Reproduktion von Texten.— Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Göttingen, 1972.

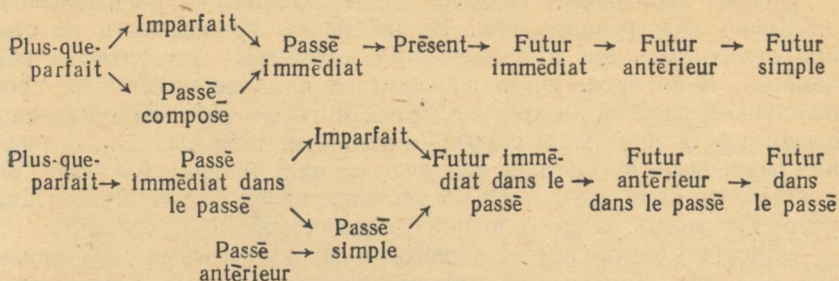
Поступила в редколлегию 30.08.84

Н. В. КОНОНЕНКО

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТЕЙШЕЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ТОЧНЫХ НАУК

Авторы многих работ, посвященных методике преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах вузов, учитывают те или иные особенности профессиональной деятельности будущих специалистов в процессе их обучения [2, 3]. В частности, они отмечают привычку к восприятию информации в виде графиков, формул и таблиц. Ранее в этом плане мы уже рассматривали возможный способ объяснения системы согласования времен глаголов изъявительного наклонения во французском языке [1]. Поскольку в упомянутой статье данная методика была представлена описательно, для наглядности проиллюстрируем ее с помощью двух схем. В первую поместим временные глагольные формы, кото-

рые употребляются, как правило, в письменной и в устной речи, а во вторую — в письменной литературной речи:

Подобная форма подачи материала по нашим наблюдениям легко усваивается будущими специалистами точных наук, особенно физиками, которые сразу же находят сходства между этими двумя группами глагольных форм и временной осью. Это можно объяснить тем, что условное расположение временных форм глагола во французском языке в приведенных нами схемах соответствует расположению точек на временной оси: $t_1 \rightarrow t_0 \rightarrow t_2$.

Предлагаем в таком же аспекте преподносить материал при изучении фонетики. Известно, что студенты неязыковых факультетов испытывают определенную трудность в усвоении разницы в значении и употреблении надстрочных графических знаков $\wedge$, $\searrow$, $\swarrow$. Даже если они более или менее правильно читают, то на письме расставляют эти знаки почти наугад. В учебниках французского языка для начинающих соответствующие объяснения даются либо отдельно по каждому уроку вводно-фонетического курса [5], либо приводятся в начале курса в описательной форме [4], непривычной для данного контингента обучаемых. Попытаемся свести их воедино и представить в виде таблицы, чтобы наглядно показать, какие гласные могут употребляться с тем или иным надстрочным знаком и как эти знаки влияют на произношение. Поскольку во французском языке все гласные (кроме «y») употребляются с одним или двумя видами «accent» («e» сочетается с тремя), расположим гласные таким образом, чтобы количество возможных сочетаний гласной и «accent» уменьшалось сверху вниз (см. табл. 1). Знаки

Таблица 1

Сочетаемая гласная	Влияние надстрочного графического знака на произношение гласной		
	$\wedge$	$\searrow$	$\swarrow$
е	+ да	+ да	+ да
а	+ да	+ нет	—
и	+ нет	+ нет	—
о	+ да	—	—
і	+ нет	—	—
у	—	—	—

»+», «—» означают соответственно сочетаемость или несочетаемость гласной с графическими знаками.

Однако необходимо указать, какое влияние на произношение оказывает надстрочный знак. Во избежание громоздкости не станем оговаривать это в примечаниях к таблице, а сделаем в ней пометки. В случаях, когда наблюдается влияние «ассент» на произношение гласной, в соответствующей графе таблицы проставим слово «да», в противном случае — «нет» (см. табл. 1). Для сравнения обучаемым предлагался еще один вариант таблицы (см. табл. 2) где вместо слов «да», «нет» были проставлены соответствующие условные знаки международной фонетической транскрипции.

Опрос студентов и специалистов в области точных наук показал, что табл. 1 является наиболее предпочтительной. Табл. 2 оце-

Таблица 2

Сочетаемая гласная	Влияние надстрочного графического знака на произношение гласной		
	ˆ	˘	/
е	[ɛ:]; [ɛ]	[ɛ]	[ɛ]
а	[a:]	[a]	—
и	[y]	[y]	—
о	[o:]	—	—
і	[i]	—	—
у	—	—	—

нивается студентами и специалистами как «слишком филологическая». Все опрошенные заявили, что использование табл. 1 способствует лучшему усвоению учебного материала по фонетике французского языка. При этом важную роль играет сам факт сведения правил расстановки «ассент» в единую таблицу и использование привычной для данного контингента слушателей математической символики. Эту таблицу рекомендуется использовать с самого начала изучения вводно-фонетического курса в качестве наглядного пособия для промежуточной и окончательной систематизации материала и постепенно заполнять ее по мере изучения новых звуков.

Список литературы: 1. Бейдер Е. И., Кононенко Н. В. О некоторых особенностях обучения грамматике специалистов в области точных наук. — Вестн. Харьк. ун-та, 1985, № 274, с. 101—104. 2. Бейдер Е. И., Цветкова З. М. Условия рациональной организации работы памяти при обучении иностранному языку студентов факультетов точных наук. — В кн.: Психологические механизмы памяти и ее закономерности в процессе обучения: Материалы I Всесоюз. симп. по психологии памяти. Х., 1970, с. 16—19. 3. Бердов В. И. Психологические особенности решения вербальных задач (филологическая и техническая ориентация образования испытуемых — студентов). — Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983. 4. Виноградова И. А. Курс французского языка. М., 1972. 5. Попова И. Н., Казакова Ж. А., Кашина Н. А. Учебник французского языка. М., 1981.

Поступила в редколлегию 01.10.84*

СОДЕРЖАНИЕ

Адамский В. И. К вопросу о механизме заимствования в военной термино- системе ФРГ	3
Белогуб А. Л. Развитие полисемантичности у иноязычных терминов . . .	6
Гринь Б. М. К проблеме диалогического единства	10
Деркач В. П. Роль словообразовательного гнезда в системной органи- зации лексики	14
Джандоева П. В. О внутриязыковом и межъязыковом аспектах термино- логической полисемии в современном французском языке	17
Дмитренко В. А. Сопоставительный анализ сложносочиненных предло- жений, присоединительных конструкций, их роль в организации	21
Дородных А. И. Об интегральном подходе к описанию языка как комму- никативной системы	25
Ейгер Г. В., Шаронова Е. В. Отказ от ответа и способы его выражения	32
Каравашкин В. И., Карпенко Ю. Б. Объектные композиты в современном немецком языке	36
Каспранский Р. Р. Роль коммуникативно-ситуативных координат в сжа- тии плана выражения языкового высказывания	38
Кузнецова Л. А. Коммуникативно-прагматическая установка как крите- рий определения типа текста	43
Литвиненко И. В. Роль типологических особенностей естественного языка при реализации естественного языкового общения с АБД	47
Локишина Т. Ф. О некоторых подходах к выделению экспрессивных средств языка	51
Мартынюк А. П. Об отражении социальных ролей и психологических особенностей женщин в языке	55
Мартынюк О. А. Прагматико-коммуникативные свойства предложений с модальными глаголами	58
Маслова Н. И. К проблеме статуса английского языка в Индии	61
Нестеренко Е. И. Об употреблении местоимения <i>ça</i> (<i>cela</i>).	65
Одинокова В. И. Семантическая структура слова в связи с комбинатори- кой компонентов бинарной метафорической модели $N_1 + de + N_2$. . .	68
Петренко А. Д. К вопросу о критериях определения языка студенче- ства ГДР в качестве социолекта	71
Попова Т. Г. Модальная категория как форма эмоционально-волевой оценки	74
Потапова Ж. Е., Турчин В. М. Отличительные свойства синонимии	78
Расказова О. А. Структурно-семантические типы безличных конструк- ций в современном французском языке	80
Ретунская М. С. Роль вторичной номинации в формировании оценоч- ного потенциала лексики	83
Самсонова Е. А. О семантико-синтаксической характеристике сложных именных групп в английском языке	88
Сахарчук Л. И. О текстоорганизующей функции производных слов . .	92
Сидоров О. В. Общественно-политическая терминология как средство выражения идеологической оценки в современном немецком языке . . .	96
Тарасова Е. В. Лингвистические универсалии и контрастивно-типоло- гические исследования	100
Тимошенкова Т. М. Отглагольное существительное со значением «имя лица» в современном английском языке	106
Ткаченко Р. Г., Тарасенко Л. В. Варьирование местоимений на <i>-body</i> и <i>-one</i> в британском и американском вариантах английского языка	109
Хименко В. В. Факторы, влияющие на меру глагольной индуктивности в современном английском языке	113
Чучко Ю. К. О некоторых особенностях возникновения и развития предло- гов в современном немецком языке	117
Бейдер Е. И. О роли индуктивных операций при овладении грамматикой	120
Калиниченко А. С., Левина М. Д., Юдис А. Б. Об одном из способов препарирования тестов для проверки умения чтения	123
Кононенко Н. В. Использование простейшей математической символики при обучении французскому языку специалистов в области точных наук	126